

#творчество

Петр ПОЛОЖЕВЕЦ:

Первые сто строк

На Сан-Марко было тихо и пусто. Ни одного туриста. Голуби пили воду из маленьких лужиц. Рыжая кошка, распластавшись на каменных плитках, нервно дышала, готовясь к прыжку. Резко ударил колокол и вспугнул голубей. Они нырнули в небо и скрылись между нежных куполов собора. Я дошел до конца площади и свернул налево. Под портиком Дворца дождей на помосте соорудили кукольный балаганчик. Зазывала в красном кафтане рекламировал чудодейственный эликсир, помогающий при немочи и болях, душевных расстройствах. Странно, но я, почти не зная итальянского, все понимал, о чем говорил зазывала.

Трое мальчишек стояли перед помостом и, подняв головы, внимательно слушали про достоинства зелья, нетерпеливо ожидая, когда он закончит и появятся куклы. Три женщины, видимо их матери, не обращали внимания на человека на подиуме. На них были широкие юбки, а головы и плечи прикрывали шелковые шали. Там был еще мужчина в берете, плаще, чулках и туфлях с пряжками. Он тоже не слушал продавца эликсира, а украдкой разглядывал женщин. Мне показалось, что я попал на карнавал или съемки фильма. Но я точно знал, что время Венецианского карнавала еще не наступило, а камер и прожекторов тоже нигде не было видно. Я отошел на несколько метров и увидел еще один балаганчик. Над сценой висела вывеска с именем хозяина - Боргоньи. Мне показалось, что я уже где-то слышал это имя. Здесь, как и под портиком, только трое мальчишек заинтересованно следили за сценой - уже шло представление. Взрослые же, мужчины и женщины, отвернувшись от помоста, вглядывались то ли в проходящих, которых не было, то ли в очертания островов, спящих в заливе, то ли в невидимую фотокамеру. Пройдя еще немного по пьяцетте, я глазам своим не поверил: на помосте, прикованный цепью к столбу, стоял слон. Три фигуры в масках и карнавальных костюмах смотрели на слона. Мужчина с усами всматривался в одну из масок. А сзади их высился, видимо стоял на табурете, человек с блокнотом и карандашами в руках - он делал быстрые наброски. «Надо спросить у портье в отеле, что же за день странный такой», - подумал я и отправился на набережную выпить утренний кофе и съесть парочку круассанов. Кафе еще не открылись, лишь в одном месте сонный официант принимал заказ у троих необычно одетых для нашего времени мужчин. Один из них был точно итальянцем, второй - англичанином, третий - французом. Откуда я знаю? Каждый из них говорил на своем языке, и они понимали друг друга. Мне

показалось, что они, обращаясь друг к другу, называют какие-то до боли знакомые фамилии. Я прислушался. Мистер Хогарт звали одного. Месье Ватто - второго. А третьего - синьор Лонги. Как только я услышал третью фамилию, мгновенно все сошлось. За столиком кафе сидели три великих художника XVIII века - Уильям Хогарт, Антуан Ватто и Пьетро Лонги. Три сценки, которые я видел, - три знаменитых сюжета Лонги: «Шарлатан», «Балаган Боргиньи» и «Слон». Я подумал, что никогда не страдал галлюцинациями. Видимо, случившееся признак надвигающегося сумасшествия. Но если быть сумасшедшим, так по полной. Я встал, чтобы подойти и спросить Лонги, почему у синьоры, смотрящей на шарлатана и стоящей к нам спиной, нога вывернута на сто восемьдесят градусов. Но не успел. Официант принес мне кофе. Он хотел поправить скатерть, перед тем как все расставить. Поднос соскользнул у него с руки, и все посыпалось на пол - посуда разлетелась вдребезги. Стоял такой звон, будто в лавку муранского стекла забрался слон Лонги, удравший от надоедливых зевак. Звон длился долго, целую вечность. «Ну кто там еще?» - спросил я телефонную трубку, не открывая глаз. «Петь, это ты?» - «Да, мам, я. Ты знаешь, который час?» - «Знаю, пять утра». - «Ну рассказывай, что случилось». - «А ничего не случилось. Просто не спалось. Я вот вспомнила, что, когда ты был маленьким, еще до школы, ты все время просил: «Почитай». Я приду с работы, глаза слипаются, руки не слушаются, по хозяйству все убрала, ела не ела, садилась вам с Володей читать. А твой Володя читает своим детям?» - «Читает. И я читаю им, когда ездим на дачу. А еще мы вместе с ними сказки сочиняем». - «Записали бы да прислали мне. Я соседкам почитаю. Ну все, спокойной ночи, спать буду». - «Так все-таки зачем ты звонила?» - «Сердце с вечера прихватило. Укол сделали. Вот сейчас легче стало. Голос твой хотела услышать. Не бойся, я еще не умру. Мое время не пришло».

...Мама давно положила трубку, а я вспоминал, как долгими зимними вечерами мы с братом укладывались на кровати рядом с натопленной печкой и ждали, когда мама закончит все свои дела и начнет нам читать или рассказывать очередную сказку. Мы очень любили слушать про четырнадцать поющих лягушек, которых уехавшая по важным делам из дому мама прислала своему сыну в глиняном горшочке. И как на следующей неделе пришел ему еще один горшок, в котором тоже было четырнадцать лягушек, но самок. Они поселились в пруду и долго радовали семью своим пением. Почему в разных горшках? Если бы в одном, то самки съели бы всех самцов. Читая в университете Акутагаву Рюноске, я обнаружил у него почти похожую историю. Моя мама никогда об этом японском классике не слышала. И уж точно не читала его произведений.

...Меня просили написать о выборах. Я не стал. Что о них писать. И так все ясно, что будет через неделю. А сон про Лонги мне приснился, видимо, потому, что мы недавно с мальчишками побывали на его выставке...{comments on}